

1954 год

Целина

Первый Новый год после Сталина встретили звоном бокалов на пышном приеме в Георгиевском зале Кремля. На следующий день там гремела музыка молодежного бала. В святая святых, куда еще год назад пропускали только по специально оформленным в управлении Охраны пропускам только самых проверенных и доверенных, москвичи шли косяками по приглашениям, полученным от своих профкомов. В залах Большого Кремлевского дворца пели, танцевали, дурачились на еще недавно пустынных кремлевских площадях, фотографировались рядом с Царь-пушкой.

А вот руководству страны было не до веселья. Решения сентябрьского Пленума ЦК так и не ответили на самый насущный вопрос, где взять хлеб, не в перспективе, а не позднее урожая 1954 года. Закупить его за границей и не мечтали, страна жила в экономической блокаде, Запад нам ничего не продавал и ничего у нас не покупал. Да и покупать было не на что, нефти не хватало на собственные нужды, а золото берегли на случай войны. О том, что американцы могут напасть в любой момент, тогда беспокоились всерьез. Свои планы атомных бомбардировок Советского Союза США особенно не скрывали. С 1945 года их разработали множество: Бройлер, Фролик, Хэрроу, Чариотир, Труджен, Хафмун, Флитвуд, Даблстар. 27 января «1952 года американский президент Гарри Трумэн открыто заявил: «Мы уничтожим все порты или города, для того чтобы достичь наших мирных целей. Это означает всеобщую войну: Москва, Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса и Сталинград, все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе мы сотрем с лица земли. Это – последний шанс для советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы существовать или нет!»

О какой торговле можно говорить в таких условиях?

Поднять урожай на старых землях (в 1953 году там собрали 7,8 центнера зерна с гектара) возможности не было, удобрений практически не производилось и средств для строительства новых заводов не имелось. А если бы они и нашлись, то ввода предприятий в строй пришлось бы дожидаться не менее пяти лет, пока их спроектируют, пока построят, пока наладят. Оставалось одно – найти непаханую землю, много земли, которую можно засеять уже весной, с тем чтобы осенью собрать первый урожай, выпечь первый хлеб.

Отцу вспомнились дни его молодости, и тогда на Руси маялись вопросом, где взять хлеб? Возглавлявший царское правительство в начале двадцатого века Сергей Юльевич Витте, а затем в 1906 году сменивший его на этом посту Петр Аркадьевич Столыпин, обратили свой взор на восток. В Центральной России крестьяне, получившие в 1861 году волю, ссорились из-за каждой десятины, а там, в Южной Сибири, Казахстане, на Дальнем Востоке – земель немерено, и каких земель – девственного чернозема!

Под нажимом сверху, со скрипом, неохотно крестьяне двинулись на восток. Сначала посылали разведчиков, а по их возвращении, посоветовавшись и посомневавшись, самые смелые семьями снимались с насиженных мест, продавали дома, складывали добро на телеги и уезжали... В никуда...

Потянулись в Сибирь, на целину и односельчане отца, уезжали из родной Калиновки и исчезали из вида навсегда. Отцу тогда исполнилось 14 лет, ему запомнилось, что «переселение шло болезненно. Выбирали ходоков, среди них оказался и муж сестры моей матери. Они заранее ездили, смотрели земли и условия, в которых предстояло жить переселенцам. Им понравилось – земли столько, сколько глаз видит, можно брать, сколько хочешь. Сколько

осилишь. Мои родственники выехали в Сибирь в 1908 году. Помню, как семья сестры моей матери уезжала в чужие края. Поехало много крестьян-переселенцев и из других деревень Курской губернии».

Всего к 1910 году в поисках лучшей доли покинули насиженные места около миллиона трехсот тысяч человек.

Уезжали, осыпавшие проклятиями односельчан, считавших переселенцев изменниками, разрушавшими вековую сельскую общину, в которой один за всех и все за одного, всем миром платят подати царю, всем миром помогают попавшим в беду, всем миром радуются, но чаще – всем миром голодают. Отъезжавшие ослабляли общину, что не могло не вызвать у остающихся разочарования и гнева, порой доходившего до ненависти, до смертоубийства отступников.

Всеми силами противились переселению и помещики-землевладельцы. Вечно голодные малоземельные крестьяне, не способные прокормиться со своих наделов, поневоле шли к ним на поклон, за бесценок обрабатывали их поля, собирали их урожай, ссыпали в закрома зерно, уходившее за большие деньги на экспорт в Европу. Отец вспоминал, как он, еще подростком, батрачил сначала у одного помещика-генерала, затем у другого, по фамилии Васильченко.

Теперь даровому, мало чем отличавшемуся от крепостного труду приходил конец. За счет отъезжающих наделы оставшихся увеличатся, на барские поля их не заманишь, разве что за «настоящую» оплату. Сверхприбылям от экспорта дешевого, почти бесплатного зерна придет конец.

Столыпина за целину возненавидели и крестьяне, и помещики, и сам государь. Еще бы! Он покусился на стабильность, на патриархальные российские устои. В результате 5 сентября 1911 года Столыпина убили террористы. До сих пор историки спорят, кто стоял за их спиной: левые, революционеры или правые, во главе с самим государем? На самом деле это не так важно, важно, что начавшееся переселение крестьян быстро прекратилось. Помещики сохранили рабочие руки, а зажиточное фермерство так и не сформировалось.

Затем грянула Первая мировая война, за ней – революция. На излете нэпа вновь начались трудности с хлебом, и вновь вспомнили о сибирской целине. В 1928 году подготовили Постановление об организации на непахотных восточных землях целинных совхозов. Однако дело не пошло. В 1929 году началась коллективизация, крестьянам стало не до новых земель. Совхозные поля на целине заросли сорняками, их вскоре забросили.

О целине забыли на долгие годы. В тридцатые годы переселение на восток миллионов крестьян возобновилось, «сталинское переселение», но не на сибирские черноземы, а в лагерь, за колючую проволоку, в вечную мезлоту.

В последующие годы, довоенные и послевоенные, «Сталин категорически возражал против распахки дополнительных земель, – пишет в своих воспоминаниях отец. – Он считал, что достаточно создать дефицит земли, и крестьяне начнут искать выход, создадут условия, при которых с той же земли будут получать больше сельскохозяйственных продуктов». Не получилось.

Теперь отец задумался о том же, над чем за полстолетия до него ломали голову Витте и Столыпин. Выход из хлебного кризиса он видел там же, где и они, – на востоке.

22 января 1954 года отец диктует первую в своем новом качестве записку в Президиум ЦК КПСС. Ее лейтмотив: хлеба катастрофически не хватает, и получить его в традиционных районах земледелия невозможно, урожайность в Центральной России низкая, удобрений нет и в ближайшее время не предвидится, тогда как городское население, а значит, и потребление хлеба, продолжает расти. Выход один – начать экспансию на восток. Там, по подсчетам отца, нетронутыми лежат, как минимум, 13 миллионов гектаров, 6 миллионов в Казахстане и 7 миллионов в Южной Сибири. Если их распахать и получить с гектара по десять цент-

неров зерна, то прирост урожая составит 13 миллионов тонн. Он приводит данные средней урожайности по стране в 1952 году 8,6 центнера с гектара, в США – 17,3 центнеров, Канаде – 17,6 центнеров. В Сибири, в хорошие годы, устойчиво собирают 15. И делает вывод, что его предположения более чем реалистичны. Дальше отец скрупулезно высчитывает, сколько зерна из общего количества пойдет населению, сколько на прокорм скоту, сколько останется на семена, сколько на промышленную переработку, в основном в спирт, сколько заложить в госрезервы, сколько останется на помощь союзникам – восточным немцам, чехам, полякам и другим. Получалось, что сиюминутные потребности удовлетворятся с лихвой, и удовлетворятся хлебом более дешевым, чем мы собираем в обжитых европейских районах, расходы на распашку целины быстро окупятся, в бюджет потечет прибыль, и немалая. Все это позволит не только разрешить зерновой кризис, но и высвободит часть земель в Центральной России под расширение посевов льна, сахарной свеклы, кукурузы.

И самое важное, целинное зерно позволит снять часть груза с плеч колхозников в обжитых районах. Сегодня, чтобы удовлетворить потребности страны, им спускают нереализуемые планы сдачи зерна. Ежегодно образуется недоимка, она из года в год растет, и хлебозаготовки «приобретают характер продрозверстки» времен военного коммунизма. Какая уж тут материальная заинтересованность? Целина не только даст прибавку зерна, собираемого в закрома, но и позволит сделать более эффективной, работающей всю структуру зернового хозяйства.

«Дополнительное, целинное зерно позволит списать колхозам недоимки, ликвидирует их неуверенность в завтрашнем дне, – пишет в записке отец, – заработает, наконец-то, погектарное налогообложение, труд крестьян станет осмысленным, у них появится стимул, а значит, возрастет и производительность труда».

Одновременно отец отдавал себе отчет, что целина не решает всех проблем, это только первый шаг «чтобы достичь американского уровня производства зерна в расчете на душу населения, потребуется не только освоить 13 миллионов гектаров целины, но поднять урожайность зерновых до 15 центнеров с гектара», то есть вдвое.

Предстоял долгий и трудный путь, целина же его начало. Всегда приходится с чего-то начинать.

Работая над запиской, отец собрал всю доступную информацию о регионе, его климате, почвах, методах ее обработки. Подробные обоснования и разъяснения ему представили С. Демидов из Госплана, министры: сельского хозяйства – Бенедиктов, заготовок – Корниенко, совхозов – Козлов, заместитель главы правительства РСФСР – П. П. Лобанов, отдельно – первый заместитель Козлова, В. В. Мацкевич (его мнением отец особенно дорожил), Т. А. Юркин из Министерства сельского хозяйства РСФСР и, наконец, ученые-агрономы: академик Т. Д. Лысенко, полевод Т. С. Мальцев, профессор М. Г. Чижевский. Так что отец подготовился основательно. Он понимал, что урожаи на значительной части целины, особенно в Казахстане, неустойчивы, зависят от очень капризной там погоды. Пройдут весенние дожди – соберешь отличный урожай, подует майский суховей, дай бог вернуть брошенные в землю семена. И такое там происходит через каждые два-три года. Ученые называют подобные районы зоной рискованного земледелия.

«Ничего не поделаешь, приходится рисковать, – повторял отец, – хороший урожай, даже не каждый год, все равно делает целину привлекательной. Канада тоже лежит в поясе риска и очень даже в нем процветает».

В связи с целиной отец перечитал все, что ему достали о зерновом хозяйстве канадского пшеничного пояса. Канадский пример служил ему серьезным аргументом в спорах с противниками целины.

Отец считал, правильнее сказать, так ему разъяснили московские ученые-агрономы, что без удобрений целина продержится лет пять-семь, потом почва истощится, урожаи упадут,

и придется ее, так же, как и старопахотные земли в Европейской части страны, удобрять. Но – на пять-семь лет страна не только получит передышку, но и подсоберет ресурсы, нужные для производства удобрений.

Я запомнил аргументы отца очень хорошо, говорил он о целине не только в ЦК, но и дома, не с нами, а со своими гостями-собеседниками, но в нашем присутствии.

Взор отца устремился на восток сразу после сентябрьского Пленума. Он, пользуясь тем, что партийные руководители сибирских районов и Казахстана еще не разъехались из Москвы, решил с ними посоветоваться. Сколько там пустующих земель, отец точно не представлял, сам он в Сибири и Казахстане пока еще не побывал, а предоставленные ему московскими учеными цифры противоречили друг другу. Начал он с величественного (по словам Наталии Сац) секретаря ЦК Казахстана Жумабая Шаяхметова. В кресло секретаря ЦК Шаяхметов пересел в 1938 году, до того он работал в ведомстве Ежова, в наркомате внутренних дел. Это и естественно, Казахстан тогда тифозной сыпью испестрили лагеря, между ними, там, где энкавдэшники еще не успели нагородить колючую проволоку, местные пастухи-казахи гоняли по степи отары овец. И вот теперь, видевший все и всех Шаяхметов, сидел в кабинете отца на Старой площади и размышлял, как ему себя вести. Распахивать пастбища ему совсем не хотелось, на них паслись овечьи отары его предков, переселившиеся в Казахские степи с Алтайских гор еще в VIII веке. Он понимал, что сами казахи этим заниматься не станут – не умеют и не любят они копать в земле. На их земли придут русские, украинцы и кого там еще решат в Кремле переселить в его Казахстан. Вековым кочевьям казахов наступит конец, а вместе с тем наступит конец и его власти, власти Жумабая Шаяхметова. Его кресло займет умеющий возделывать пшеницу русский или украинец. Сидя напротив Хрущева, Шаяхметов привычно хитрил, прикидывал, как бы изловчиться провести Хрущева и при этом не оступиться самому.

Отец начал разговор с того, что Казахстана он совсем не знает, надеется на помощь собеседника. Шаяхметов пошел ва-банк, объяснил, что, к сожалению, все, что возможно, в республике уже давно распахали, больше пригодных к земледелию площадей нет, одни солончаки. Шаяхметов понимал, что отец – не простачок и цифру в 6 миллионов гектаров взял не с потолка, и решил торговаться, как всегда торговались его предки с пришельцами из Европы. Он задумался, пожевал губами, как бы что-то прикидывая, уступил: можно, если постараться, наскрести два-три миллиона гектаров, но о шести и речи не может быть. Ответ Шаяхметова огорчил отца, но не обескуражил. Он уже понял, что гость хитрит и откровенного, государственного разговора не получится.

Отец зашел с другой стороны, начал вызывать поодиночке секретарей казахстанских обкомов, дотошно выпрашивать их о возможностях каждой области. Конечно, секретари прослышали о беседе отца с Шаяхметовым, знали и о его позиции, но решили, видимо, Жумабая «топить». Они без колебаний называли отцу сотни тысяч, даже миллионы гектаров земель, пригодных к распашке в их областях.

Рассчитанные московскими аграриями 6 миллионов гектаров набрались без труда. Одновременно определилась судьба Шаяхметова – с началом распашки целинных земель ему в секретарях ЦК больше не усидеть.

Проблема Шаяхметова разрешилась сравнительно легко, из первых секретарей ЦК Компартии Казахстана его в феврале 1954 года убрали, перевели секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Воспитанный в нравах сталинских чисток 1930-х годов, он ожидал расправы, не сомневался – новое назначение только ширма, за ним неумолимо последует арест. Так происходило на его памяти всегда.

Ареста не последовало, Шаяхметов, насколько я знаю, первым в послесталинские времена не поплатился жизнью за свои убеждения, за противопоставление своего мнения мнению Москвы. Его не объявили националистом, не приклеили еще какой-то привычный в те

времена политический ярлык. Отец отозвался о нем критически, но ни в чем не обвинил, сказал, что «товарищ Шаяхметов, честный человек, но для такой большой республики, как Казахстан, слаб».

В 1955 году Шаяхметова отправят на пенсию. Он проживет еще одиннадцать лет и умрет своей смертью. На место Шаяхметова, как он и предполагал, прислали варяга. Первым секретарем стал белорус с украинской фамилией Пономаренко, а вторым «украинец» с русской фамилией – Брежнев.

Но я немного забежал вперед. 13 января 1954 года записку отца рассматривали на Президиуме ЦК. Присутствовавшие отнеслись по-разному. Маленков с готовностью высказался «за». А вот Молотов посчитал распашку земель на востоке страны ошибочной и идеологически неверной. По его мнению – это тупиковый, экстенсивный путь развития земледелия. Следует, как учил Сталин, повышать интенсивность сельского хозяйства, увеличивать урожайность на имеющихся площадях, поддержать Нечерноземье, российскую глубинку, а не шарахаться бог весть куда.

Вот только как повысить урожайность не в далеком будущем, а немедленно, Молотов не сказал. Он говорил об удобрениях, которых нет, и в скором будущем их появление не предвидится. Появятся они, в лучшем случае, через десять лет. И строительство заводов для их производства обойдется дороже распашки целинных земель. Одних удобрений тоже недостаточно, интенсивное сельское хозяйство требует более высокой культуры земледелия, постоянной обработки посевов, безостановочной борьбы с сорняками. В странах с интенсивным ведением сельского хозяйства кукуруза дает такие урожаи, что никого не приходится уговаривать ее возделывать, а у нас, сами понимаете, распахал, посеял, а дальше вся надежда на Бога. Но Молотова это мало интересовало – главное, Сталин был против, а он привык Сталину верить.

Остальных членов Президиума ЦК целина особенно не задевала, и они охотно поддерживали отца.

Для распашки и освоения 13 миллионов гектаров требовались люди, очень много людей, которые бы согласились поехать в Сибирь не на сезон, а обосноваться на новых землях навсегда. Осваивать целину в 1954 году по Столыпину не получалось, в отличие от начала XX века, лишних рук в деревне не осталось. Приходилось искать трудовые ресурсы в других местах.

Отец предложил кликнуть клич, призвать на подвиг освоения целинных земель молодежь, солдат, демобилизующихся из армии – где начали сокращение личного состава. Одновременно решили бросить туда всю производимую технику.

Споры о целесообразности распашки целинных земель не утихли и спустя полвека. Снова и снова поднимается проблема обезлюдения деревень, особенно на северо-западе, с его малоурожайными, подзолистыми почвами. Правда, удобрений в XXI веке производится в избытке, но их оказалось недостаточно, чтобы остановить деградацию «неперспективных» сел. Кто только не говорит о горькой судьбе, о вымирании исконно российских деревень. Снова обсуждают, где взять громадные капиталовложения, необходимые для их «подъема», капиталовложения, которых нет, как их не было и пятьдесят лет тому назад.

Мне этот спор кажется беспочвенным. Перетекание сельского населения из малоплодородных районов в более плодородные так же естественно, как и необратимо. Вся история человечества – один огромный пример поиска людьми лучших земель, лучшей жизни. Все те полвека, что россияне спорили о путях спасения российской деревни (как будто Сибирь – не Россия), нас кормила за граница, в значительной мере США и Канада. Кормила за счет ими освоенных собственных целинных земель, канзасских и айовских, распаханых в середине XIX века западных прерий.

Американская цивилизация возникла в XV веке тоже на северо-востоке, в Новой Англии. Тогда фермеры бросили первые зерна в каменистую подзолистую почву – такие уж почвы в северных краях, как в Америке, так и в России, – собрали первый небогатый урожай. Весь шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый и начало девятнадцатого века они выхаживали эту землю, возделывали, удобряли, выбирали камни из пашни. За прошедшие столетия насобирали столько камней, что из них понастроили ограды между полями. Земля все три века платила им за заботы скромным урожаем, его хватало на прокорм самих фермеров, а потом и немногочисленных горожан.

В начале XIX века, после покупки у Наполеона за 30 миллионов долларов Французской Луизианы, американцы обнаружили на теперь принадлежавшем им Среднем Западе красноземные плодородные равнины. Фермеры бросили обжитые хозяйства на востоке страны, погрузили скарб в запряженные лошадьми или волами повозки и потянулись на свою, американскую, целину. В освоении новых земель они опередили отца на целое столетие. Никто их не призывал к сохранению исконно американской фермерской культуры на исторической родине – северо-востоке, как никто их и не призывал обживать Запад. Но никто и не удерживал. Над ними не довели ни цари, ни крепостники-помещики, ни кто-либо персонально. Они всё решили сами: урожай следует собирать там, где земля лучше родит. На новом месте переселенцев ожидали нешуточные испытания: и пыльные бури, там ветры посильнее сибирских, и сносящие все на своем пути смерчи, и периодические жестокие засухи, и град размером с куриное яйцо. Все выдюжили и теперь на своих красноземах производят четверть мировой продукции зерна, кормят излишками от своих урожаев: и хлебом, и мясом, и молоком с маслом полмира.

Фермы на северо-востоке давно заросли кленовым, дубовым, вязовым лесом. О прошлом напоминают только неуместные в чащобе леса, сложенные из камней аккуратные старинные изгороди.

Представим себе российских крестьян, еще в XVI веке, вслед за Ермаком Тимофеевичем, освоивших российскую сибирскую целину. Возможно, сейчас Россия, так же, как и Америка, не знала бы, куда пристроить излишки хлеба и мяса.

Но сложилось иначе. Россияне российскую целину оставили нетронутой. В Российской империи свободных людей не числилось, только служивые по разным ведомствам, да полурабы-крепостные. Цари предпочитали держать бояр, а потом, унаследовавших их поместья дворян под рукой. В Сибири они быстро отобьются от рук, и кто знает, что им там в голову взбредет? Бояре с дворянами не менее цепко держались за своих крестьян, от них зависело их богатство. Отпустишь их в Сибирь, и пиши пропало, на тамошних просторах крепостных днем с огнем не сыщешь. Только после освобождения крестьян в 1861 году от крепостной зависимости началось какое-то движение. В поисках лучшей доли они потянулись на Сибирскую целину. За тридцать с лишним лет, с 1885 по 1917 год, в Сибирь переселились 5 миллионов человек. Примерно по 150 тысяч в год. Для такой территории – капля в море. После революции дело застопорилось, теперь крестьян не отпускал вновь закабаливший их Сталин.

Неперспективные деревни, следуя исторической логике, именно потому неперспективны, что нет у них природных условий для конкуренции с перспективными алтайскими, кубанскими, сибирскими землями. Не поддерживать их надо, а наоборот помочь им поскорее обезлюдеть. Пусть молодежь уходит, кто в города, а склонные к земледелию – на плодородные сибирские просторы. Как только перестанут насиловать исконно лесной северо-запад, перестанут заставлять землю родить хлеб там, где она не может родить, начнется естественное самообновление. Никогда не дававшие приличного урожая поля, как и полагается в природе, сменит стоявший тут испокон века сосново-еловый бор. Реки станут полноводнее, в леса вернется зверье и птицы.

К сожалению, такой поворот не для россиян. Даже отец, реформатор, смотрел на освоение новых земель как на отдушину. Разживемся целинным зерном, разрешим сиюминутные проблемы, а уж тогда возьмемся за возрождение исконно российских подзолистых, песчаных, суглинистых и глинистых полей. Как возродим? Зачем возродим? Во сколько это возрождение обойдется? И вопросов таких никто не задает. Ведь эти подзолистые суглинки – исконно наши, а целину пусть оставят себе казахи или еще кто.

В конце XX века казахская целина стала чужой. Продажа зерна с бывших целинных полей – одна из статей казахского экспорта.